

П Р И Б А В Л Е Н І Я КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(Г О Д Ъ Т Р И Д Ц А Т Ъ П Е Р В Ы Й).

Іюля 1.

№ 13.

1895 года.

Протоіерей Іоаннъ Арсеньевичъ Лебедевъ, Ректоръ Вологодской семинаріи. (Некрологъ).

2-го іюня сего 1895 года въ 6^{1/2} часовъ по полудни, во время совершенія въ семинарской церкви и во всѣхъ церк-вахъ города Вологды всенощнаго бдѣнія въ честь преподоб-наго Димитрія, Прилуцкаго чудотворца, мирно скончался въ своей квартирѣ, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, на 46 году отъ рожденія пользовавшійся уваженіемъ цѣлаго го-рода ректоръ Вологодской семинаріи, протоіерей *Іоаннъ Ар-сеньевичъ Лебедевъ*. Время это при жизни своей почившій все-гда проводилъ обыкновенно за всенощнымъ бдѣніемъ въ мо-литвѣ св. преподобному Димитрію, Прилуцкому чудотворцу, а въ самый праздникъ былъ непремѣннымъ участникомъ тор-жественнаго богослуженія въ обители сего угодника Божія и затѣмъ присутствовалъ на праздничной братской трапезѣ до-сточимаго настоятеля сей обители. Всегда бодрый, живой, общительный и привѣтливый, почившій о. ректоръ не могъ подать никому даже и мысли, что день этотъ будетъ нѣко-гда днемъ его вѣчнаго упокоенія. Тяжелый недугъ, въ видѣ остраго сочленовнаго ревматизма, поразившій почившаго еще три года тому назадъ въ довольно умѣренной степени, вслѣд-ствіе частаго обхожденія имъ производившихся незадолго предъ-тѣмъ въ семинаріи построекъ, нашелъ въ его организмѣ бла-гопріятную для себя почву и съ тѣхъ поръ сталъ замѣтно его истощать. Лѣтомъ 1893 года, въ іюнѣ мѣсяцѣ, болѣзнь эта повторилась съ нимъ уже въ болѣе значительной степени, такъ что, по окончаніи учебныхъ трудовъ по семинаріи, на нѣсколько недѣль приковала его къ постели—съ сильными болями въ суставныхъ частяхъ организма и съ сильнымъ по-вышеніемъ температуры по всему тѣлу. Послѣ такого болѣз-

неннаго потрясенія, онъ еще болѣе сталъ воспріимчивымъ ко всякаго рода заболѣваніямъ, и въ этомъ случаѣ 1894-й годъ оказался для почившаго особенно неблагоприятнымъ, такъ какъ въ ослабленный уже болѣзнію организмъ его привнесъ съ собою множество различнаго рода нравственныхъ потрясеній. Къ числу такихъ событій, имѣвшихъ на него глубокое дѣйствіе, прежде всего слѣдуетъ отнести происшедшую въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того года, внезапную смерть Преосвященнаго Израиля, со стороны котораго почившій пользовался всегда искреннею любовію и высокимъ довѣріемъ. „Я такъ „привыкъ,—приходилось намъ не разъ отъ него послѣ этого „слышать,—къ Преосвященному Израилю, что не знаю, какъ „при другомъ архіереѣ мнѣ будетъ и жить“. Въ іюнѣ мѣсяцѣ сего года въ немъ снова стали обнаруживаться ревматическія заболѣванія, но онъ и при нихъ не хотѣлъ оставить своихъ учебныхъ занятій. Опытные врачи совѣтовали ему въ этотъ годъ отправиться для излеченія болѣзни на минеральныя воды; но онъ, надѣясь на крѣпость и выносливость своихъ силъ, а также имѣя намѣреніе и лично встрѣтить вновь назначеннаго на Вологодскую кафедру Преосвященнѣйшаго Антонія, товарища своего по Кіевской академіи, мысль о минеральныхъ водахъ для укрѣпленія своего здоровья отложилъ до будущаго года и выбылъ изъ Вологды лишь въ деревню за 40 верстъ отъ города, надѣясь сельскимъ благораспорядкомъ исправить свое пошатнувшееся здоровье. Съ прибытіемъ новаго Владыки, для почившаго начались и новыя труды, новыя заботы и испытанія. Открывшаяся въ октябрѣ мѣсяцѣ экстренная ревизія по семинаріи еще болѣе усугубила его заботы и душевныя потрясенія. Отъ взора близкихъ къ нему людей не могло укрыться постепенное въ немъ послѣ того ослабленіе физическихъ силъ. Въ 1895 году, на первой недѣлѣ великаго поста, вмѣстѣ съ сослуживцами и своими питомцами имъ исполненъ христіанскій долгъ, при чемъ онъ неопустительно и бодро выстаивалъ всѣ церковныя службы, не смотря на ихъ продолжительность, и въ послѣдній разъ огласилъ семинарскую церковь разумнымъ и одушевленнымъ чтеніемъ великаго канона. Въ субботу первой седмицы онъ самъ по обычаю выходилъ на солею, чтобы пріобщить питомцевъ; но силы ему здѣсь измѣнили, и онъ, пріобщивъ лишь нѣсколько человекъ, возвратился въ алтарь и отдыхалъ нѣкоторое время, сидя на креслѣ. Послѣ того снова выходилъ пріобщать воспитанниковъ, но опять на короткое время;—замѣтно было, что его удручала тогда тяжелая внутренняя болѣзнь. На второй и третьей недѣляхъ поста онъ продолжалъ учеб-

ныя занятія уже съ нѣкоторыми перерывами. Въ недѣлю крестопоклонную онъ самъ, при участіи своихъ сослуживцевъ по семинарской церкви, на всенощномъ бдѣніи выносилъ св. крестъ и на другой день совершалъ божественную литургію. Но это было уже послѣднимъ его служеніемъ въ семинарской церкви. Въ этотъ же день къ вечеру въ немъ открылись приступы острыхъ ревматическихъ болей. Благодаря усиліямъ врачей, боли ревматическія въ его тѣлѣ къ страстной недѣлѣ значительно ослабѣли, такъ что у болящаго раждалась надежда, что въ св. Пасху онъ получитъ возможность принять участіе въ церковномъ служеніи. Но Богъ судилъ иначе. Исчезнувшая-было въ членахъ тѣла ревматическая болѣзнь проникла въ его внутренніе органы и коснулась области сердца. Уже и вологодскіе врачи, пользовавшіе больнаго, предугадывали въ немъ присутствіе сего страшнаго недуга, московскіе же врачи, для совѣта съ которыми въ сопутствіи членовъ своего семейства почившій отправился 29 апрѣля, положительно констатировали въ немъ означенную болѣзнь, которой суждено было явиться внѣшней причиной его смерти. 7 мая вечеромъ возвратился онъ изъ путешествія въ Москву, упокоенный духомъ, такъ какъ получилъ къ врачеванію своей болѣзни совѣты отъ самыхъ свѣтилъ медицинской науки, но въ крайнемъ изнеможеніи тѣла, такъ какъ отдаленное путешествіе со всѣми своими тревогами не могло не отозваться неблагоприятно на состояніи его разслабленнаго болѣзнію организма. По прошествіи нѣсколькихъ дней, въ состояніи здоровья болящаго обнаружились нѣкоторые признаки улучшенія; отправленія физическія въ немъ сдѣлались болѣе правильными, и самочувствіе значительно возвысилось. У окружавшихъ его снова явилась нѣкоторая надежда, что здоровье его, хотя и медленно, можетъ возстановиться. 14-го мая пожелалъ онъ исповѣдаться и пріобщиться св. Христовыхъ Таинъ. Когда въ установленное время принесены были къ нему изъ семинарской церкви св. Тайны, онъ твердо и съ глубокимъ благоговѣніемъ самъ прочелъ до конца молитву „Вѣрую, Господи, и исповѣдую“. По причащеніи св. Таинъ на лицѣ его замѣтны были внутренняя сосредоточенность и нѣкоторая задумчивость. Послѣ того онъ впалъ на довольно продолжительное время въ глубокій сонъ, и въ состояніи его здоровья стали опять обнаруживаться нѣкоторые, хотя и слабые, признаки улучшенія. 22 мая, въ день св. Духа, онъ снова пожелалъ удостоиться принятія св. Таинъ. 30 мая силы его значительно ослабѣли, и онъ въ третій разъ напутствованъ былъ уже запасными св. Дарами. Видя его постепенное ослабленіе, домашніе совѣто-

вали ему принять и св. соборованіе; но онъ нѣкоторое время отъ сего отказывался, ссылаясь на то, что онъ еще къ сему не готовъ, при этомъ добавлялъ, что когда онъ ощутитъ въ себѣ эту готовность, то скажетъ самъ. Въ ночь на 31 мая съ 12 часовъ онъ заявилъ, что желалъ бы принять св. соборованіе, и ожидалъ съ большимъ нетерпѣніемъ, когда іереи соберутся къ нему для молитвы. Утромъ 31 мая, въ 9 часовъ, къ утѣшенію болящаго, сонмомъ семинарскихъ іереевъ, въ предстоятельствѣ настоятеля Свято-Духова монастыря архимандрита Наонаила и при соучастіи кафедральнаго протоіерея Николая Якубова, совершено было надъ нимъ Таинство Елеосвященія. Ко времени совершенія его собрались въ квартиру болящаго и сослуживцы его по семинаріи, и нѣкоторые изъ близкихъ знакомыхъ; всѣ, по окончаніи соборованія, прощались съ болящимъ, при чемъ онъ просилъ всѣхъ не забывать его въ своихъ домашнихъ молитвахъ. Въ этотъ же день вечеромъ воспитанники семинаріи сначала епархіальнаго общежитія, а потомъ и казеннаго пожелали принять къ себѣ чудотворный образъ Спаса Всемиловитаго, чтобы предъ нимъ помолиться о выздоровленіи болящаго; въ казенномъ общежитіи, по окончаніи молебствія, образъ пронесенъ былъ въ квартиру болящаго, который, съ глубокимъ благоговѣніемъ облобызавъ св. образъ, сердечно благодарилъ принесшихъ за любовь къ нему и вниманіе. Послѣ того жизнь болящаго замѣтно стала близиться къ концу; онъ погрузился въ тихій и спокойный сонъ, по временамъ прерываемый только краткими обращеніями къ окружающему семейству. 1 числа іюня въ 1-мъ часу по полудни болящій посѣщенъ былъ Его Преосвященствомъ, которымъ преподано было ему благословеніе и утѣшеніе. На другой день къ полудню силы болящаго весьма ослабѣли; въ 2 часа духовникомъ семинаріи у постели его прочитанъ былъ канонъ на исходъ души и въ 6^{1/2} часовъ вечера, во время совершенія въ церкви всенощнаго бдѣнія въ честь преподобнаго Димитрія, Прилукскаго чудотворца, болящій мирно и тихо скончался, какъ бы погрузившись въ самый глубокой сонъ. По облаченіи усопшаго семинарскими іереями въ священническія одежды, семинарскій колоколъ рѣдкимъ и заунывнымъ звономъ возвѣстилъ жителямъ города о мирной кончинѣ почитаемаго всѣми о. протоіерея Іоанна. Жизнь его преисполнена была тяжелыхъ трудовъ и заботъ на пользу духовнаго юношества; не мало силъ вложено имъ и въ дѣло народнаго образованія по устройству, главнымъ образомъ въ предѣлахъ Вологодской епархіи, школъ церковно-приходскихъ¹⁾.

1) Эта дѣятельность почившаго оцѣнена была высшимъ начальствомъ

Одно сухое перечисленіе проходимыхъ ихъ въ разное время служебныхъ обязанностей уже даетъ ясно понять, что почившій былъ человѣкъ глубокой опытности, свѣтлаго ума и сердечно любилъ общественный трудъ.

Сынъ давно уже умершаго бѣднаго псаломщика Ярославской епархіи, покойный о. протоіерей родился 1 января 1850 года; первоначальное образованіе онъ получилъ въ Ростовскомъ духовномъ училищѣ и затѣмъ въ Ярославской духовной семинаріи, откуда, по окончаніи полного курса, какъ лучшій студентъ, отправленъ былъ на казенный счетъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ и окончилъ въ 1874 году полный курсъ наукъ, со степенью кандидата богословія. По окончаніи курса академіи, 5—12 іюня опредѣленъ въ Вологодскую семинарію преподавателемъ по классу св. писанія. Въ 1875 г. января 15 вслѣдствіе избранія общимъ собраніемъ Правленія семинаріи утвержденъ членомъ педагогическаго собранія Правленія, каковую должность проходилъ до утвержденія его Св. Синодомъ исправляющимъ должность инспектора семинаріи. Въ 1877 году, согласно прошенію, опредѣленъ настоятелемъ Спасовсерадской церкви г. Вологды и Преосвященнѣйшимъ Ѳеодосіемъ, епископомъ Вологодскимъ и Устюжскимъ, рукоположенъ во діакона августа 6 и во священника—августа 7 означеннаго года; въ томъ же году октября 18 тѣмъ же Преосвященнымъ награжденъ набедренникомъ. Въ 1879 году апрѣля 1, за усердную и полезную службу по епархіальному вѣдомству награжденъ скуфьею, а 18 апрѣля 1881 г.—камилавкою. Въ 1881 г. апрѣля 24—29, общимъ собраніемъ Правленія избранъ на должность инспектора Вологодской семинаріи и Его Преосвященствомъ допущенъ къ прохожденію этой должности до утвержденія въ оной Св. Синодомъ. Указомъ Св. Синода, іюня 26 1881 года утвержденъ исправляющимъ должность инспектора Вологодской дух. семинаріи, при поступленіи на каковую 31 іюля 1881 г. резолюціею Его Преосвященства уволенъ отъ настоятельской должности при Спасовсерадской церкви. Временно исправлялъ должность ректора семинаріи, за отъѣздомъ послѣдняго въ отпускъ съ 1 по 20 іюля 1881 г. и вторично съ 24 іюля по 12 августа 1882 г. Преподавалъ по кончинѣ о. ректора слѣдующимъ образомъ: опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ отъ 6—7 іюня за № 147, утвержденнымъ г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, во вниманіе къ 11-ти-лѣтнимъ безмезднымъ, отличнo-усерднымъ и полезнымъ трудамъ покойнаго протоіеря І. А. Лебедева по благоустройству церковныхъ школъ въ епархіяхъ Ставропольской (съ 1884—1887 гг.) и Вологодской (съ 1887—1895 гг.) и въ виду совершенной необезпеченности средствами содержанія его осиротѣвшей семьи постановлено выдать единовременно вдовѣ покойнаго 500 руб. изъ кредита въ 700,000 руб., ассигнованныхъ по Высочайшему повелѣнію отъ 16 дек. 1894 г. въ распоряженіе Синодальнаго Оберъ-Прокурора на восполненіе д.-прих. школамъ Имперіи.

Законъ Божій въ приготовительномъ классѣ Вологодской губ. мужской гимназіи съ 27 августа 1879 г. по 1 августа 1881 г., и въ VII кл. Вологодской Маріинской женской гимназіи съ 1 сентября 1880 г. по 10 августа 1882 г. Указомъ Св. Синода отъ ^{27 апрѣля}_{2 мая} 1883 г. опредѣленъ исправляющимъ должность ректора въ Кавказскую духовную семинарію. Высокопреосвященнѣйшимъ Θεодосіемъ, архіепископомъ Вологодскимъ и Устюжскимъ, на основ. указа Св. Синода отъ 5 мая 1883 г. за № 1574, возведенъ въ санъ протоіерея—5 іюня 1883 г. Преосвященнымъ Германомъ, епископомъ Кавказскимъ, назначенъ предсѣдателемъ Кавказскаго Епарх. Уч. Совѣта—1884 г. августа 8. За заслуги по духовному вѣдомству награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ, отъ Св. Синода выдаваемымъ, 1885 г. февраля 25. Ревизовалъ Екатеринодарское духовное училище по учебно-воспитательн. части—1886 г. іюня 3—17. По опредѣленію Св. Синода ^{14/15} октября 1887 г. за № 2068, перемѣщенъ на вакантную должность ректора въ Вологодскую духовную семинарію. На основаніи примѣчанія къ § 26 уст. дух. сем. состоялъ предсѣдателемъ Вологодскаго Епарх. Учил. Совѣта. На основан. § 14 устава попечительства о бѣдныхъ ученикахъ Вологодской духовной семинаріи состоялъ предсѣдателемъ Правленія попечительства съ 1887 года ноября 26. Резолюціею Преосвященнаго Израіля, епископа Вологодскаго и Устюжскаго, отъ 2 декабря 1887 г., назначенъ цензоромъ Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и очередныхъ проповѣдей, произносимыхъ въ Вологодскомъ каѳедральномъ соборѣ въ воскресные, праздничные и высокаторжественные дни. Резолюціею Преосвященнѣйшаго Антонія, епископа Вологодскаго и Тотемскаго, 14 декабря 1894 г. назначенъ предсѣдателемъ Совѣта Вологод. Православн. Братства во имя Всемилостиваго Спаса, и согласно прошенію апрѣля 21 1895 г. уволенъ отъ сей должности. По предложеніямъ Преосвященнѣйшаго Антонія, епископа Вологодскаго и Тотемскаго, уволенъ по слабости здоровья и въ виду многосложности занятій: а) отъ должности цензора Вологод. Епарх. Вѣдомостей и очередныхъ проповѣдей, произносимыхъ въ каѳедральномъ соборѣ—мая 5 и б) отъ должности предсѣдателя Вологод. Епарх. Учил. Совѣта—мая 23 д. 1895 г. Высочайшими Указами, данными Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ: 1) въ 9-й день апрѣля 1889 г. Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 2 ст., и 2) въ 15-й день мая 1894 г.—къ ордену св. Владиміра 4 ст. По полученіи ордена св. Владиміра 4-й ст., согласно прошенію, приписанъ съ семействомъ къ Вологодскому дворянству.

Первая паннихида надъ почившимъ совершена была семинарскимъ духовенствомъ, при предствѣтельствѣ архимандрита Свято-Духова монастыря Наѳанаила. По окончаніи паннихиды, началось обычное чтеніе св. евангелія, совершавшееся вечеромъ сего дня до 12 часовъ ночи наличными іереями, а ночью городскими діаконами изъ учениковъ почившаго. Съ утра слѣдующаго дня и до самаго выноса тѣла въ церковь чтеніе совершалось іереями и діаконами по особому очередному росписанію, составленному благочиннымъ градскихъ церквей. Чтеніе прерывалось частыми паннихидами, къ служенію которыхъ являлись то отдѣльные священники съ своими причтами, то служащіе въ разныхъ учрежденіяхъ цѣлыми корпораціями. Такъ отправлены были особыя паннихиды: причтомъ кафедральнаго собора въ полномъ его составѣ, отъ служащихъ—въ духовной семинаріи, въ духовной консисторіи, въ духовномъ училищѣ и въ женскомъ епархіальномъ училищѣ. Постоянныя, обязательныя паннихиды совершались ежедневно въ 12 часовъ дня и въ 4 часа по полудни. Въ субботу предъ всенощнымъ бдѣніемъ посѣтилъ квартиру почившаго и благословилъ его останки Преосвященнѣйшій Антоній, епископъ Вологодскій. Въ воскресенье въ 12 час. дня посѣтилъ паннихиду г. управляющій Вологодской губерніею, Вологодскій вице-губернаторъ, д. с. с. Лаппа-Старженецкій. Въ субботу въ 8 часовъ вечера, предъ паннихидой, за которой послѣдовало, при пѣнии канона „Волною морскою“, положеніе тѣла во гробъ, преподаватель семинаріи А. Лебедевъ обратился къ присутствовавшимъ на ней своимъ сослуживцамъ съ глубоко почувствованной рѣчью¹⁾. Въ воскресенье предъ паннихидой отъ женскаго епархіальнаго училища, инспекторъ классовъ училища священникъ Н. Малиновскій также обращался къ воспитанницамъ съ краткой назидательной рѣчью.

Наканунъ погребенія, вечеромъ съ 6 часовъ, при гробѣ почившаго, при предствѣтельствѣ архимандрита Наѳанаила, при участіи протоіерея градской Введенской кладбищенской церкви К. Голубева, семинарскаго духовенства и другихъ его почитателей, совершено было всенощное бдѣніе; въ то же время совершалось заупокойное всенощное бдѣніе, въ присутствіи всѣхъ учениковъ семинаріи, и въ семинарской церкви, и въ залѣ епархіальнаго семинарскаго общежитія. Въ понедѣльникъ, 5-го іюня, архимандритомъ Наѳанаиломъ и прочимъ многочисленнымъ духовенствомъ, въ предшествіи хоругвей и запрестольнаго креста, въ соупствіи учениковъ всей семинаріи совершенъ былъ выносъ тѣла въ всеградскую

¹⁾ Эта рѣчь, вмѣстѣ съ другими, помѣщается ниже.

церковь Спаса Всемилостиваго, согласно личному завѣщанію почившаго, такъ какъ въ сей церкви было начато имъ священное служеніе. Предъ выносомъ тѣла изъ дома была произнесена рѣчь преподавателемъ семинаріи Евлампіемъ Бурцевымъ. Когда гробъ вынесенъ былъ изъ дома, предъ нимъ совершена была послѣдняя въ стѣнахъ семинаріи литія, и за тѣмъ, подъятый на рамена сослуживцевъ почившаго, онъ перенесенъ былъ при звонѣ колоколовъ въ церковь Спаса Всемилостиваго. Здѣсь надъ мѣстомъ для гроба усердіемъ воспитанниковъ устроенъ былъ балдахинъ, украшенный гирляндами изъ зелени и искусственными цвѣтами. На гробъ возложены были два довольно изящныхъ вѣнка, одинъ—отъ преподавателей съ надписью „доброму и незабвенному начальнику отъ благодарныхъ сослуживцевъ“, и другой—отъ воспитанниковъ съ словами: „любвеобильному отцу ректору отъ признательныхъ питомцевъ“. Когда гробъ поставленъ былъ въ церкви на уготованное мѣсто, воспитанникъ семинаріи 1 отд. VI кл. С. Подстаницкій произнесъ краткую, но живую рѣчь. Самое богослуженіе въ этотъ день отличалось рѣдкою торжественностію. И Божественную литургію, и чинъ отпѣванія совершалъ самъ Преосвященный Антоній; за литургіей сослужащими ему были 4 архимандрита, 1 игуменъ, 6 протоіереевъ и 10 іереевъ, между ними большую часть составляли сослуживцы почившаго. На правомъ клиросѣ пѣли совмѣстно хоръ семинарскій и архіерейскій, который составляется главнымъ образомъ изъ учениковъ семинаріи; на лѣвомъ—ученики общежитія VI и V классовъ. На литургіи, во время причастна, по окончаніи пѣвчими концерта „Блажені яже“, инспекторомъ семинаріи священникомъ П. Успенскимъ сказано было помѣщаемое ниже надгробное поученіе. На отпѣваніи за Преосвященнымъ Антоніемъ вышла бѣлая часть градскаго духовенства. Предъ началомъ отпѣванія настоятелемъ Спасо-всеградской церкви священникомъ В. Карповымъ сказана была приличная случаю рѣчь. Тропарі и икосы по 6-й пѣсни канона Преосвященнѣйшему Антонію угодно было прочесть самому лично; предъ чтеніемъ же разрѣшительной молитвы обратился онъ къ почившему съ рѣчью, въ которой, упомянувъ сначала, что онъ былъ его товарищемъ по академіи, высказалъ глубокое сожалѣніе, что онъ лишился въ лицѣ почившаго хорошаго и добраго соработника. „Смерть твоя,—продолжалъ Преосвященнѣйшій Владыка,—для людей, тебя мало знающихъ, была неожиданна, для тѣхъ же, которымъ близко извѣстны твои труды, она не была неожиданна. Видя твой неустанный трудъ, я давно уже беспокоился за твои силы.

„Однажды, подѣ живымъ сознаніемъ тяжести лежащихъ на тебѣ трудовъ, ты открылся предо мною, что тебя обременяетъ множество различныхъ стороннихъ обязанностей. И вотъ я съ тѣхъ поръ началъ стараться по возможности облегчить твои труды,—сначала освободилъ тебя отъ обязанности председателя Братства Спаса Всемилостиваго, вручивъ его настоятелю сего св. храма, затѣмъ—отъ обязанностей цензора Епархіальныхъ Вѣдомостей и очередныхъ проповѣдей духовенства и наконецъ—отъ званія председателя Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. Наканунѣ кончины твоей я являлся къ тебѣ и просилъ, чтобы ты успокоился, а семью свою оставилъ мнѣ на попеченіе, и къ устроенію ея мною заботливо уже приняты мѣры. Скорблю о тебѣ, какъ о надежномъ своемъ помощникѣ, ибо замѣчаю, что и силы мои уже угасаютъ. Прости мнѣ ради Христа, если я когда-нибудь по немощи человѣческой тебя огорчилъ! Благословеніе Божіе да будетъ съ тобою!“ Съ этими словами Преосвященный благословилъ останки почившаго.

По окончаніи глубоко-трогательн. чина отпѣванія, гробъ священнослужителями, безъ участія въ крестномъ ходѣ Его Преосвященства, сильно утомившагося отъ продолжительнаго священнослуженія и даже почувствоваващаго себя больнымъ, вынесенъ былъ изъ церкви, и печальное шествіе, въ преднесеніи хоругвей и запрестольнаго креста, при звонѣ церковныхъ колоколовъ и съ пѣніемъ канона „Помощникъ и покровитель“ направилось въ монастырь Св.-Духовъ. Здѣсь предъ открытой могилой, предъ самымъ преданіемъ тѣла землѣ, произнесены были прощальныя рѣчи воспитанникомъ 1 отд. VI класса В. Арановичемъ и преподавателемъ семинаріи П. Прокосевымъ. Были приготовлены и еще четыре рѣчи, но за продолжительностію отпѣванія произнесены не были и помѣщаются вслѣдъ за другими ниже. Погребенъ почившій въ монастырѣ Св.-Духовъ—согласно своему завѣщанію; мѣсто для его погребенія избрано близь входа въ церковь преподобныхъ Галактіона и Іоасафа. Между почитателями почившаго ведется подписка на устройство надъ его могилою памятника. Къ смерти почившаго отзывались съ глубокимъ сочувствіемъ не только живущіе въ городѣ Вологдѣ, но даже находящіеся и далеко за ея предѣлами. Такъ, Преосвященный Петръ, епископъ Пермскій, бывший сослуживецъ почившаго по Вологодской семинаріи въ званіи ректора, удостоилъ супругу его слѣдующей телеграммой: „Глубоко огорченъ печальною вашею вѣстію; будемъ утѣшаться, что любезнѣйшій Іоаннъ Арсеньевичъ на обѣтованной новой землѣ получитъ вѣнецъ правды;

„онъ былъ усерднымъ служителемъ Бога, добрымъ подвигомъ „подвизался, вѣру соблюдалъ и ревностно утверждалъ другихъ“. Служащіе въ Ставропольской семинаріи выразили сочувствіе въ слѣдующей телеграммѣ на имя супруги почившаго: „Ставропольская семинарія, помолившись Господу Богу о упокоеніи незабвеннаго бывшаго начальника и сослуживца, отца „Іоанна Арсеньевича, выражаетъ чувства глубокой скорби и „сердечныя соболѣзнованія, да укрѣпитъ Господь ваши силы „въ перенесеніи дорогой утраты.—Ректоръ протоіерей Смирновъ, инспекторъ—бывшій ученикъ—священникъ Малиновскій, преподаватели: Васильевъ, Поповъ, Кутеповъ, Сергіевскій, Вышелѣсскій, Пятницкій, Цвѣтковъ, Григорьевъ“.

Одинъ изъ учениковъ покойнаго о. ректора по Вологодской семинаріи такъ характеризуетъ его въ некрологѣ, помѣщенномъ въ № 24 Церковн. Вѣстника: „Это былъ человекъ дѣла, вѣрный своему долгу безъ черствости и формализма, хорошій преподаватель, не уклонявшійся отъ своей цѣли, гуманный педагогъ и добрый начальникъ. Это была любовь безъ слащавости, строгость безъ жестокости, снисходительность безъ попустительства. Онъ любилъ служебное дѣло, какъ свое собственное, и его отзывчивое сердце не выдержало отъ напряженія по случаю разныхъ ненужныхъ и безцѣльныхъ удрученій. Онъ сошелъ въ могилу, сопутствуемый рѣдкими знаками почтенія и соболѣзнованія, и одинъ изъ его учениковъ, лично испытавшій на себѣ благотѣльное дѣйствіе его отрезвляющаго суда и возражающей милости, спѣшитъ провозгласить почившему „вѣчную память!“.

Сверхъ того, имѣются сочувственныя телеграммы изъ Устюга отъ статскаго совѣтника М. Пл. Лихарева съ семействомъ и изъ Могилева отъ бывшаго преподавателя Вологодской семинаріи іеромонаха Палладія. Вѣчная память тебѣ, добрый сослуживецъ и трудолюбивый начальникъ!

Священникъ *Петръ Успенскій*.

Р ъ ч ь

предъ паннихидой по усопшемъ о. ректорѣ, въ его квартирѣ, въ присутствіи семинарской корпораціи.

Добрые сослуживцы!

Не разъ и не два, а многократно мы собирались сюда, въ эти гостепріимные покои по разнымъ обстоятельствамъ своей семинарской жизни, или для привѣтствія, или для про-

стой бесѣды, или просто отдохнуть духомъ отъ своихъ нелегкихъ и утомительныхъ занятій. Душею нашего собранія всегда являлся гостепріимный и радушный хозяинъ, нашъ достоуважаемый начальникъ, о. ректоръ. Весело и живо летѣло время; благодущіе и бодрость хозяина передавались и его гостямъ; исчезали изъ сердца разныя житейскія тревоженія; всѣ расходились спокойные и довольные вниманіемъ и расположеніемъ хозяевъ. Вотъ и теперь мы всѣ собрались въ эти же покои!... но увь!... они какъ то мрачно, непривѣтливо теперь высматриваютъ... да и время нашего собранія какъ будто не обычное... на день воскресный... послѣ молитвеннаго труда! Но что всего тревожнѣе... хозяинъ, по обычаю, не встрѣчаетъ насъ въ своемъ труженическомъ кабинетѣ... Гдѣ же онъ?! что съ нимъ?! здоровъ ли?! на сей разъ онъ измѣнилъ своей привычкѣ, не встрѣтилъ самъ, а заставилъ самихъ насъ къ себѣ приблизиться... Что же случилось?! Приидите, зрите и внемлите его собственному гласу: *се лежу, возлюбленные мои братіе, посреда вспыхъ молчаливъ и безгласенъ; уста упразднишася, языкъ преста, руцѣ связостеся и нозѣ сплетостеся; зракъ измѣнишася, очи угасость...* О, какою ужасною вѣстью встрѣчаетъ насъ хозяинъ! Стало быть, тревожныя опасенія, раздававшіяся въ послѣднее время, оправдались... Тяжкая и продолжительная болѣзнь взяла свое, окончилась роковымъ исходомъ... И не стало нашего отца ректора!... Какое грозное и внушительное вразумленіе свыше! Во цвѣтѣ лѣтъ, полный силы и энергіи къ дѣятельности, окруженный благополучіемъ служебнымъ и семейнымъ, пріобрѣвшій уваженіе и любовь отъ всѣхъ, вообще жизнерадостно настроенный,—вдругъ внезапно восхищается ангеломъ смерти изъ среды нашей! *Единѣмъ миновеніемъ,—и сія вся смерть пріемлетъ!* Что? зачѣмъ? почему такъ? гдѣ разумная цѣль? не зло ли торжествуетъ? Сдержимъ всѣ подобныя вопросы встревоженнаго и пытливаго духа и смиренно преклонимся предъ Премудрой волей Божіей, устрояющей вся во благое. Рано или поздно, но всякому смертному равный жребій. Отложивъ суетную нашу надежду на блага міра сего, углубимся въ себя, поразмыслимъ на единѣ и выведемъ, каждый для себя—полезный урокъ; а теперь, внимая предсмертной и посмертной просьбѣ почившаго, помянемъ его предъ Господомъ въ своихъ грѣшныхъ молитвахъ, да обрящетъ онъ милость въ день судный. Отдавая долгъ слабой человеческой природѣ, прольемъ слезы не отчаянія, но упованія; да и намъ ли отчаяваться и другихъ смущать безотрадной тоской по почившемъ, когда и онъ самъ, и мы, по самому положенію, призваны вѣщать словеса жизни вѣчной?! Не от-

раднѣ ли для сердца нашего, не спасительнѣ ли для души его и нашей тихо успокоиться въ молитвахъ ко Всевышнему и Тому возвѣстить свои печали?! Благодаримъ и земно кланяемся тебѣ, нашъ добрый начальникъ, за всю твою попечительность, за все твое руководство и за все твое широкое русское хлѣбосольство! Благослови и прости насъ, если мы чѣмъ либо оскорбляли и огорчали тебя въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и мы съ своей стороны потщимся искоренить изъ своего сердца всякое мимолетное недовольство, если оно у кого либо зарождалось и гнѣздилося, и съ тихою молитвою на устахъ будемъ сохранять твою память!

Преподаватель дух. семин. *А. Лебедевъ.*

Р ѣ ч ь

при гробѣ почившаго о. ректора семинаріи, протоіерея **І. А. Лебедева**, сказанная (изустно) воспитанницамъ епархіальнаго женскаго училища предъ панихидой 4 іюня въ 2 ч. дня.

Любезныя воспитанницы!

Мы собрались сюда отдать послѣдній христіанскій долгъ умершему, т. е. помолиться объ упокоеніи души новопреставленнаго раба Божія, протоіерея Іоанна, всѣми уважаемаго въ нашемъ городѣ о. ректора семинаріи. А для васъ, питомицъ епархіальнаго училища, есть къ тому еще и особенное побужденіе. Извѣстно, что почившій о. ректоръ былъ однимъ изъ сотрудниковъ въ Бозѣ почившаго Архiepастыря, Преосвященнаго Израиля, по преобразованію пріютскаго училища въ епархіальное, и всегда радѣлъ о благѣ и преуспѣяніи нашего училища. Доказательствомъ тому служить то, что еще при самомъ открытіи училища, семь лѣтъ тому назадъ, принося въ даръ библіотекѣ новаго разсадника духовнаго просвѣщенія отъ лица всей семинарской корпораціи два экземпляра Библии, свое сочувствіе и благожеланіе онъ выразилъ въ слѣдующихъ глубокознаменательныхъ словахъ: „Въ залогъ духовнаго общенія и единства цѣли нашихъ учебныхъ заведеній, говорилъ онъ, обращаясь къ бывшей тогда начальницѣ училища, игуменіи Арсеніи, благоволите принять для библіотеки подвѣдомаго вамъ училища отъ меня и сотрудниковъ моихъ по воспитанію порученнаго намъ духовнаго юношества сѣи экземпляры св. Библии на церковно-славянскомъ и русскомъ нарѣчіяхъ. Слова Божественной премудрости, начертанныя въ сихъ священныхъ книгахъ, да утверждаютъ

„умы, сердца и волю юныхъ вашихъ питомицъ въ познаніи и дѣланіи того, что праведно и свято, честно и достохваль-но, полезно и благопотребно къ животу временному и спасенію вѣчному“. Вотъ какой завѣтъ оставилъ намъ почившій о. ректоръ! Отсюда видно, какъ близокъ былъ къ намъ по духу онъ и какъ дороги были для него учебно-воспитательные интересы нашего юнаго еще училища. Мало того,—и въ качествѣ предсѣдателя Епархіальнаго Училищнаго Совѣта почившій о. ректоръ былъ поистинѣ отцемъ и благодѣтелемъ для воспитанницъ, окончившихъ курсъ епархіальнаго училища. Его доброе и отзывчивое сердце особенно сочувствовало горю сиротъ. Онъ съ полною готовностію и радушіемъ спѣшилъ всегда устроить безпріютную сироту назначеніемъ ея на должность учительницы въ сельской школь, дабы она могла имѣть хотя и скудный, но свой собственный кусокъ хлѣба. Памятуя о семъ, помолимся о немъ отъ всей души, отъ искренняго благодарнаго сердца, да воздастъ Господь ему въ загробной жизни за эту доброту души его и за всѣ труды и заботы его о насъ и да поможетъ Господь осиротѣвшей семьѣ его безропотно, съ христіанскимъ терпѣніемъ и надеждою на милость Божію перенести эту великую и для нихъ и для насъ потерю дорогаго отца.

Инспекторъ классовъ епархіальнаго
училища свящ. *Н. Малиновскій.*

Р ъ ч ь

предъ выносомъ тѣла усопшаго о. ректора семинаріи протоіерея *І. А. Лебедева* изъ квартиры въ церковь.

Прости, дорогой отецъ ректоръ! Пришло время разставаться съ тобою. Ты оставляешь нынѣ Вологодскую семинарію, которой посвятилъ ты лучшіе годы своей жизни, которая около 20 лѣтъ составляла предметъ твоихъ неусыпныхъ думъ, заботъ и сердечныхъ волненій. И оставляешь ее на вѣки. Близкіе тебѣ люди уже нѣсколько дней приходятъ сюда скорбѣть о разлукѣ съ тобою, помолиться о тебѣ Господу Богу, предъ твоимъ отшествіемъ отсюда. Куда же ты идешь? Почему не утѣшаешь скорбящихъ о тебѣ? Твое лицо, всегда съ такою живостію отображавшее на себѣ всѣ твои думы и чувства, всѣ твои впечатлѣнія, нынѣ не волнуется никакими слезами и ничьими воздыханіями. Потухъ твой добрый взглядъ, похолодѣли и крѣпко сомкнулись твои вѣщія уста, перестало биться твое чудное сердце. Прежде то грозный, то безгранич-

но ласковый, но всегда одинаково мощный, нынѣ ты безпо-
мощенъ болѣе, нежели малое дитя. И не самъ ты уходишь
отсюда, иные тебя понесутъ... Ты идешь туда, откуда нѣтъ
возврата. Еще нѣсколько часовъ, и недавно цвѣтущее, пови-
димому, тѣло твое будетъ опущено въ нѣдра сырой земли.

Прими же отъ насъ, дорогой отецъ ректоръ, послѣдній
привѣтъ въ стѣнахъ семинаріи, въ жизни и дѣлахъ которой
столь долгое время виталъ твой духъ! Мы живо помнимъ то
время, когда ты въ первый разъ явился сюда въ должности
преподавателя священ. писанія. Ты сразу же приобрѣлъ глу-
бокое уваженіе всѣхъ учащихся. Глубокомысленный и серьез-
ный, справедливый и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда скромный, не
искавшій популярности, ты привлекъ къ себѣ общее наше
вниманіе уже и тѣмъ, что заставилъ насъ изучать слово Бо-
жіе непосредственно по священнымъ книгамъ; между тѣмъ
какъ раньше, изучая священное писаніе по различнымъ ру-
ководствамъ, мы почти не видѣли священныхъ книгъ. Черезъ
нѣсколько лѣтъ ты поставленъ былъ священникомъ ко все-
градской церкви Всемилоствигаго Спаса. Своими рѣдкими да-
рованіями, своимъ благоговѣйнымъ и вразумительнымъ служе-
ніемъ въ церкви ты скоро приобрѣлъ уваженіе и во всемъ
городѣ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и ты былъ опредѣленъ
инспекторомъ нашей семинаріи. По отзывамъ лицъ, учивших-
ся въ это время въ семинаріи, ты, какъ инспекторъ, былъ
человѣкъ строгій, но всегда сердечный, всегда искренній и
всегда правдивый. Еще нѣсколько лѣтъ прошло, и ты сталъ
ректоромъ сначала Ставропольской семинаріи, а потомъ и на-
шей. Будучи ректоромъ, ты былъ воистину отцомъ какъ всѣхъ
служащихъ, такъ и учащихся. Можно сказать, ты жилъ для
того, чтобы всѣмъ, соприкасавшимся съ тобою, доставлять
радость и особенно дорогой для каждого человѣка душевный
миръ и покой. По отношенію къ своимъ подчиненнымъ ты
никогда не былъ ни мстительнымъ, ни зложелательнымъ, ни
злопамятнымъ. Любилъ ты дѣлать съ ними и радость и горе.
Мудрый правитель, безусловно честный, ко всему внимательный,
ты все принималъ близко къ своему сердцу. Ты во все любилъ
входить самъ, и надо признаться, что этимъ твоимъ достоин-
ствомъ мы, твои сослуживцы нерѣдко злоупотребляли, обра-
щаясь непосредственно къ тебѣ за помощью и за разрѣшені-
емъ недоумѣній даже и въ такихъ дѣлахъ, которыя могли
быть помимо тебя рѣшены подчиненными тебѣ другими на-
чальственными лицами. Чрезъ это мы увеличивали твои тру-
ды и причиняли тебѣ излишнія огорченія. Не чуяли мы близ-
кой бѣды... По отношенію къ учащимся ты отличался высо-

кою гуманностію, которая приобрѣла тебѣ великую любовь всѣхъ ихъ. Ты глубоко вѣрилъ, что во всякомъ человѣкѣ есть искра Божія, которая при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ разгорѣться въ цѣлое пламя. Поэтому какъ бы низко ни падалъ учащійся, ты не отчаивался въ его исправленіи; ты хотѣлъ воздѣйствовать на него увѣщаніями, убѣжденіями, дисциплинарными взысканіями. Только въ крайнихъ случаяхъ ты рѣшался на исключеніе изъ семинаріи дурныхъ учениковъ; потому что ты боялся, чтобы, исключая дурныхъ, вмѣстѣ съ плевелами не вырвать и пшеницы (Мѣ. 13, 29). И велика была радость твоя, когда ты видѣлъ, что безнадежный уже, по-видимому, воспитанникъ начиналъ исправляться, подавалъ надежду на то, что онъ сдѣлается полезнымъ членомъ общества. Были, конечно, и такія лица, которыя не оправдывали твоихъ надеждъ. О нихъ глубоко скорбѣло твое любвеобильное сердце, но и въ нихъ, уже всѣми отвергнутыхъ, ты продолжалъ еще цѣнить образъ Божій и достоинство человѣка.

Прости насъ, дорогой отецъ ректоръ, за всѣ тѣ скорби, которыя мы, какъ сослуживцы твои, такъ и учащіеся, причиняли тебѣ иногда неумышленно, не щадя твоихъ силъ, не заботясь о твоёмъ здоровьи! Тебѣ же, мы вѣримъ, Господь проститъ всѣ грѣхи, совершенные тобою на землѣ, ибо ты много возлюбилъ, а кто возлюбитъ много, тому и простится многое. Да упокоить Господь твою душу чистую въ селеніяхъ праведныхъ! Помолись и ты о насъ предъ Господомъ, чтобы мы твердо помнили твои завѣты и дѣйствовали въ томъ же духѣ кротости и любви, въ которомъ трудился и ты! Съ миромъ ты пришелъ къ намъ, и съ миромъ да изыдешь отъ насъ!

Преподаватель семинаріи *Евл. Бурицевъ.*

Р ѣ ч ь

при гробѣ ректора Вологодской духовной семинаріи, протоіерея І. А. Лебедева, произнесенная по принесеніи тѣла почившаго въ церковь.

Дорогой нашъ начальникъ! Безмолвствуетъ дорогой нашъ наставникъ, не даетъ отвѣта! Дорогой нашъ отецъ! встань! Вѣдь уже утро, вѣдь тебя ждутъ, тебя зовутъ цѣлыя сотни твоихъ питомцевъ, тебя зоветъ опечаленная супруга, тебя жаждутъ видѣть твои осиротѣвшія дѣти.

Нѣтъ! какъ бы отвѣчаютъ сіи останки.—Неизмѣнны законы естества: мертвые возстаютъ по дѣйствію лишь одной Всемогущей Десницы. Въ природѣ солнце заходитъ и снова вос-

ходить; наше солнце зашло и уже не взойдетъ болѣе. А давно ли ты, доблестный мужъ, исполненный здоровья и силъ, полный любви и высокихъ думъ, съ неподражаемымъ умѣньемъ и тщаніемъ исполнялъ обязанности своего высокаго званія? Давно ли ты, трудясь надъ нивой молодыхъ сердець и умовъ нашихъ, вѣдрялъ въ нихъ доброе сѣмя христіанской любви и милосердія. И вотъ кончина твоя, а вмѣстѣ съ ней и открытіе дѣлъ твоихъ (Сир. XI, 26).

Призванный быть свѣточемъ христіанской вѣры и любви, ты неуклонно и бодрымъ шагомъ стремился, съ апостоломъ, къ почести вышшаго званія Божія о Христѣ Іисусѣ (Филип. IV, 15). Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего Единороднаго далъ есть (Іоан. III, 16),—вотъ самыя излюбленныя слова твои, дорогой нашъ учитель,—слова, которыя ты всего чаще повторялъ и глубокий смыслъ которыхъ раскрывалъ предъ нами въ своихъ бесѣдахъ. Слова эти незабвенны будутъ и дадутъ плодъ свой, ибо скрѣплены живымъ примѣромъ самого наставника. Въ тебѣ самомъ жила истинная любовь, ибо ты прощалъ намъ причиняемыя тебѣ огорченія; въ тебѣ самомъ жила прощающая и, слѣдовательно, отъ Бога исходящая любовь, ибо Божественная любовь прощаетъ грѣхи людямъ въ Единородномъ Сынѣ (Іоан. III, 16). Безчисленное множество разъ мы огорчали тебя своими неразумными поступками, безчисленное множество разъ терзалось твое любящее сердце при видѣ нашихъ недостатковъ; и ты прощалъ намъ, ты прощалъ намъ все, и со всею строгостію закона наказывалъ лишь только тогда, когда вынужденъ былъ слѣдовать благоразумію апостола: измѣте злаго отъ васъ самѣхъ (1 Кор. V, 13). Любовь—вотъ основа твоихъ отношеній къ намъ; милосердіе—вотъ характеръ твоихъ сужденій о насъ. Прости же и теперь ты насъ, какъ прощалъ при своей жизни, и вознеси за насъ молитвы свои предъ престоломъ Вышняго, какъ возносилъ ихъ нѣкогда въ нашемъ святомъ храмѣ. Почивай съ миромъ добрый труженикъ на нивѣ просвѣщенія духовнаго юношества, и знай, что въ сердцахъ питомцевъ своихъ ты воздвигъ нерукотворенный жертвенникъ; на этомъ жертвенникѣ курится еиміамъ, и благовонный дымъ его возноситъ къ Богу обильныя моленія наши за упокой твоей доброй души.

Воспитаникъ семинаріи VI кл. 1 отд.

Сергій Подстанникій.

Надгробное поученіе

при отпѣваніи почившаго ректора Вологодской семинаріи,
протоіерея Іоанна Арсеньевича Лебедева.

*Найде смерть и не суца мя пока-
за, найде, и земля сый, яко не сый
лежу; воистинну соніе, воистинну
привидньіе есмы человецы.*

Не далѣе, какъ десять мѣсяцевъ тому назадъ, съ сего святаго амвона, съ свойственною тебѣ, возлюбленный о Господѣ сослужитель нашъ, силою слова напутствовалъ ты друга своего и собрата по сану, соименнаго тебѣ, досточтимаго предстоятеля сей св. церкви¹⁾. Страшный недугъ, которому суждено было Промысломъ Божиимъ положить теперь конецъ твоему земному странствованію, уже былъ замѣтенъ въ тебѣ; но еще бодро звучало тогда твое слово, ибо ты ощущалъ себя въ то время подъ живымъ осѣненіемъ благодатнаго и священнаго сего храма, въ которомъ Провидѣнію Божественному угодно было начать твое пастырское служеніе. Горькой печали исполнено было тогда твое сердце о почившемъ братѣ, ибо ты болѣе чѣмъ кто либо не только видѣлъ, но и по опыту зналъ всѣ труды и скорби пройденнаго почившимъ житійскаго поприща. Растворено было слово твое и глубокою благожелательностію къ осиротѣвшей его семьѣ, ибо сочувствіе скорбямъ бѣдствующихъ и сиротствующихъ составляло всегда основную черту души твоей, самую свѣтлую сторону твоего нравственнаго характера. Какъ бы въ предчувствіи скорости и своего жизненнаго исхода, съ особенною нѣжностію бесѣдовалъ ты тогда и о взаимномъ общеніи умершихъ съ живыми, о неразрывности и вѣчности союза любви, начинающагося между людьми здѣсь, въ земной юдоли, но не прекращающагося и по смерти людей, за предѣлами ихъ временной жизни. Глубоконазидательно было для окружавшихъ смертный одръ почившаго твое дружеское напутствіе²⁾. Но вотъ и самъ ты, по изволенію Божию, слѣдуешь уже за своимъ возлюбленнымъ братомъ въ путь *имже никогдаже шествовалъ*. Благодатный сей храмъ, воскрилявшій нѣкогда тебя къ помазанному слову, уже въ послѣдній разъ приѣмлетъ тебя подъ свою священно-благодѣтельную сѣнь, чтобы затѣмъ, по молитвенномъ возношеніи здѣсь о тебѣ, навсегда сокрыть священные останки твои отъ взора людей. Сердце наше пронзается глубокимъ о тебѣ

¹⁾ Протоіерея Іоанна Гавр. Кузнецова, почившаго 24 іюля 1894 года.

²⁾ Вологодскія Епарх. Вѣдомости, 1894 г. № 16.

сожалѣніемъ, ибо ты и по лѣтамъ своимъ и по нашимъ о тебѣ естественнымъ человѣческимъ соображеніямъ далеко не успѣлъ еще вкусить плода столь многихъ и неусыпныхъ трудовъ твоихъ. Не судилъ Господь увидѣть тебѣ и нѣжно любимыхъ дѣтей твоихъ достигшими зрѣлаго возраста: твоя видимая, земная любовь къ нимъ пресѣклась, можно сказать, предъ самымъ разцвѣтомъ своимъ, пресѣклась на такомъ моментѣ, когда она особенно бываетъ пріятна и утѣшительна для родителей. Глубоко скорбимъ о тебѣ мы, добрѣйшій руководитель нашъ и соработникъ, еще и потому, что всѣ труды твои намъ, долгое время жившимъ съ тобою одною общею жизнію, болѣе чѣмъ кому либо извѣстны и понятны. Не будетъ съ нашей стороны преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что вся жизнь твоя, съ самыхъ первыхъ дней твоего воспитанія, представляла собою тяжелый для тебя крестъ, который по мѣрѣ твоего духовнаго и тѣлеснаго возрастанія, становился предъ тобою все выше и выше, все труднѣе и тяжелѣе, пока наконецъ своею тяжестію не обезсилилъ тебя совершенно. Въ дѣтскомъ возрастѣ крестъ этотъ, еще мало тогда сознаваемый тобою, составляли собою бѣдность, лишенія и недостатки, обычно свойственные той скромной средѣ, изъ которой ты происходилъ. Преслѣдовали они, безъ сомнѣнія, тебя и во весь періодъ твоего школьнаго обученія. Съ переходомъ твоимъ къ высокому званію учителя духовной школы, повидимому, насталъ всѣмъ этимъ лишеніямъ конецъ; но тутъ вмѣсто собственной твоей бѣдности, тяжелымъ крестомъ предстала тебѣ и вещественная, и духовная нищета родныхъ и близкихъ тебѣ, ввѣренныхъ твоему духовному водительство юношей. При твоей глубокой сердечности, горе ихъ стало съ тѣхъ поръ твоимъ собственнымъ горемъ, лишенія ихъ—какъ бы твоими собственными лишеніями и всякаго рода убожество ихъ всегда приводило твой духъ въ безпокойство. Для людей, близко входящихъ въ твой трудъ, во всемъ этомъ ясно замѣтны были многообразныя развѣтвленія того жизненнаго креста, который судилъ Господь тебѣ понести. А сколько при этомъ испытывалъ ты на себѣ и нравственной отвѣтственности за свой воспитательный трудъ! Сколько требовалось мужества, уступчивости, терпѣнія, кротости, благоразумія, чтобы воспитать для Церкви Божіей ввѣряемыя тебѣ цѣлыя поколѣнія духовнаго юношества! Все это можетъ оцѣнить достойно лишь тотъ, кто привыкъ, подобно тебѣ, любезный собратъ нашъ, исполнять свои обязанности не *нуждею*, но *волею*,—кто сроднился съ трудомъ воспитательнымъ, кто проникаетъ своимъ разумніемъ, въ его духовный, нравственный смыслъ. Съ постепеннымъ

возвышеніемъ твоимъ на воспитательномъ поприщѣ въ духов-
ный твой крестъ вплетались и новыя вѣтви, хотя по виду
своему и красивыя, однако для носителя ихъ скорбныя и тя-
желыя. Только теперь ты сложилъ съ себя изволеніемъ Бо-
жіимъ это тяжелое бремя. Въ награду за честно понесенный
трудъ люди увѣнчали тебя здѣсь лежащими на гробѣ твоимъ
земными вѣнками, но выше ихъ украшаетъ тебя доброе и
честное имя, которымъ будетъ украшаться послѣ тебя и твое
осиротѣвшее семейство. Какъ ни велико и драгоцѣнно остав-
ленное тобою ему это наслѣдіе, сироты твои, какъ бы забывши
пока о немъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ разлуки съ тобою
плачутъ горько и безутѣшно. Нѣтъ слова на языкѣ человѣ-
ческому, которое бы ослабило и смягчило ихъ лютую скорбь.
Но самъ ты при жизни своей любилъ утѣшать сиротству-
ющихъ. Ужели же нѣтъ у тебя утѣшенія для присныхъ сво-
ихъ, дороже и любезнѣе которыхъ никого не имѣлъ ты на
свѣтѣ? Напутствуя одного изъ своихъ собратій въ вѣчную
жизнь, ты однажды говорилъ его осиротѣвшей семьѣ въ утѣ-
шеніе¹⁾: „Что сказать въ утѣшеніе вамъ, супруга и дѣти по-
„чившаго, которые всѣхъ болѣе имѣете нужды въ немъ? Вашъ
„приснопоминаемый усопшій былъ служителемъ Господа Иису-
„са Христа. Просите себѣ у Христа Іисуса помощи и под-
„крѣпленія и Онъ, Милосердый, будетъ помогать вамъ, будетъ
„подкрѣплять васъ, будетъ вамъ и утѣшенія подавать. Вдовы
„и сироты служителей царскихъ обыкновенно въ царяхъ имѣ-
„ютъ себѣ особенныхъ защитникомъ и покровителей; вдовы
„и сироты служителей Христовыхъ всегда найдутъ во Христѣ
„Іисусѣ благонадежнѣйшую защиту, неизблемую опору и не-
„усыпное покровительство“. Что можетъ быть отраднѣе для
васъ сего утѣшенія? его вѣщаетъ вамъ моими устами самъ
почившій изъ гроба. Онъ былъ не только въ общемъ смыслѣ
служителемъ Господа Іисуса, но удостоился быть въ свое
время и предстоятелемъ сего священнаго храма, наилучшимъ
украшеніемъ котораго служить осѣняющій насъ Его чудо-
творный Божественный Ликъ. Ужели же Онъ Премилосердый,
съ вышнихъ призирая и убогія пріемляя, отъ щедротъ Сво-
ихъ не подастъ утѣшенія и осиротѣвшей семьѣ сего достой-
наго Своего служителя? Въ упованіи на Его милосердіе къ си-
ротствующимъ, *предваримъ къ Нему со слезами вопіюще: упокой*
того, Боже, его же пріялъ еси, со святыми Твоими! Аминь.

Инспекторъ семинаріи
священникъ *Петръ Успенскій.*

¹⁾ Вологодскія Епарх. Вѣдомости, 1890 г. № 3.

С Л О В О

предъ отпѣваніемъ въ Бозѣ почившаго о. ректора
Вологодской семинаріи протоіерея І. А. Лебедева.

*Упокой, Господи, душу усопшаго
раба твоего.*

Бываютъ въ жизни человѣка такіе моменты, когда вслѣд-
ствіе сильнаго потрясенія душевнаго, внѣшнее слово изнемо-
гаетъ, сосредоточенность мыслей теряется и языкъ не находитъ
достаточныхъ словъ для выраженія ихъ. Таковы преимущест-
венно моменты внезапнаго и тяжелаго горя и несчастія. Такой
моментъ переживаемъ и мы въ настоящія минуты. Собрались
мы въ сей храмъ Божій и стоимъ около гроба съ лежащимъ
въ немъ браннымъ тѣломъ усопшаго. Если вообще видъ гроба
вызываетъ въ душѣ уныніе и печаль, то тѣмъ болѣе грустное,
въ высшей степени тяжелое уныніе возбуждаетъ въ душѣ на-
шей здѣсь стоящій гробъ. Въ немъ почиваетъ тѣло усопшаго
досточтимаго нашего бывшаго начальника. Взгляни, дорогой
начальникъ, на эту громадную семью, собравшуюся вокругъ
тебя! Взгляни на своихъ бывшихъ сослуживцевъ! Взгляни на
твоихъ бывшихъ воспитанниковъ! Всѣ мы вкупѣ собрались
вокругъ тебя съ тою же любовію, съ тѣмъ уваженіемъ глубо-
кимъ, какое имѣли къ тебѣ постоянно прежде. Но ты без-
молвствуешь. Отвѣтъ на наши чувства, съ какими мы пришли
теперь. Но ты отвѣта не даешь; бездыханенъ и безгласенъ
пробываешь. Очи твои смежились и уста не даютъ слова. Но
это—только тѣло твое безмолвствуетъ, а духъ твой живъ. Тѣ-
ломъ своимъ не раздѣляешь общенія съ нами, а духъ твой
съ нами,—въ томъ же прежнемъ общеніи, потому что духъ
бессмертенъ.

Поэтому раздѣли съ нами настоящую бесѣду, какъ жи-
вой, и внемли духомъ нашему немощному, выходящему отъ
искренняго сердца, слову.

Господи, помилуй! По помощи человѣческаго сердца,
какъ то не хочется вѣрить, что ты, почившій, отдѣлился отъ
насъ пространственно и духомъ перешелъ въ область невиди-
мую, вѣчную. Еще такъ недавно мы видѣли тебя. Такъ живъ
въ нашемъ представленіи образъ твой человѣческій. Какъ
будто еще слышатся слова твои. Не много дней тому назадъ
мы и видѣли тебя, и слышали слова твои, когда ты лично
прощался съ нами въ ожиданіи перехода изъ міра сего. Си-
ла всѣхъ этихъ впечатлѣній и воспоминаній, оставшихся въ
насъ, въ томъ состоитъ, что мы привыкли къ тебѣ. Ты долго

жилъ съ нами—и жилъ общемо съ нами жизнію; ты объединялъ всѣхъ насъ подобно тому, какъ объединяется родная семья подъ властію отца. Вотъ почему такъ сильно сознается наша потеря, понесенная въ лицѣ бывшаго о. ректора нашей семинаріи.

Продолжительная, свыше двадцатилѣтняя служба почившаго была вся посвящена святому дѣлу наученія и воспитанія юношества въ семинаріи, и, за исключеніемъ только пяти лѣтъ, всѣ годы этой служебной дѣятельности протекли въ Вологодской духовной семинаріи. Первоначально опредѣленный на должность преподавателя въ Вологодскую семинарію, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ получилъ назначеніе на должность инспектора, которую и проходилъ здѣсь два года; затѣмъ на пять лѣтъ удалился въ Ставропольскую семинарію съ назначеніемъ на должность ректора и оттуда, наконецъ, снова возвратился въ ту же семинарію, въ которой прежде служилъ. Къ служебной дѣятельности почившаго относятся самые лучшіе годы его жизни, годы молодости и энергіи, годы зрѣлости и жизненной опытности. Дѣйствуя непосредственно на учебно-воспитательномъ духовномъ поприщѣ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, занималъ разныя почетныя должности и состоялъ членомъ разныхъ благотворительныхъ учреждений. Продолжительное пребываніе усопшаго въ нашей духовной семинаріи успѣло оставить о немъ многія добрыя воспоминанія во всѣхъ, кто находился подъ его руководствомъ. Какъ велико число лицъ, которыя и учились, и воспитывались въ духовной семинаріи за это продолжительное время! Въ настоящее время въ семинаріи есть уже дѣти бывшихъ питомцевъ его. Не по долгу только службы, но и по своимъ нѣкоторымъ чертамъ личнаго характера, онъ во многомъ подавалъ добрый примѣръ другимъ. Трудолюбіе было едва ли не первою благородною чертою, украшавшею его личный характеръ. Чтеніе книгъ составляло его любимое занятіе. Читалъ онъ много, много зналъ, и познанія его были самыя разнообразныя. Очень сложный и далеко нелегкій трудъ представляетъ учебно-воспитательная дѣятельность, и этому труду почившій посвящалъ свои силы съ энергіею. Въ обращеніи съ лицами, находившимися подъ его управленіемъ, онъ старался держаться миролюбивыхъ отношеній и успѣвалъ въ этомъ дѣлѣ, стараясь свое миролюбіе доводить часто до выраженія простоты и привѣтливости. Это миролюбіе, соединявшееся съ общительностію, дѣйствовали всегда успокоительно и отрадно на душу всѣхъ, имѣвшихъ къ нему отношеніе.

Отношенія его, въ частности, къ воспитанникамъ харак-

теризуются отеческою любовію. Положеніе и благосостояніе воспитанниковъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, составляло постоянно предметъ самаго искренняго его попеченія и заботъ. Онъ всегда вникалъ въ нужды учениковъ и старался сдѣлать все, въ предѣлахъ наличной возможности, для удовлетворенія ихъ. Не говоря уже о заботахъ о благѣ воспитанниковъ, которыя входили въ кругъ его непосредственныхъ служебныхъ обязанностей, особенно много и плодотворно потрудился онъ на пользу учениковъ по дѣятельности своей въ семинарскомъ Попечительствѣ о бѣдныхъ воспитанникахъ, въ которомъ состоялъ первоначально дѣйствительнымъ членомъ и членомъ Правленія и затѣмъ въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ предсѣдателемъ Правленія Попечительства. Кто знаетъ бѣдность весьма многихъ своекоштныхъ учениковъ нашей семинаріи, кто знаетъ высокую задачу Попечительства, дѣятельность котораго посвящена возможному удовлетворенію нуждъ и обезпеченію этихъ бѣдныхъ, тотъ хорошо пойметъ сущность благороднаго труда бывшаго нашего о. ректора по должности особенно предсѣдателя Правленія Попечительства. Не зависимо отъ этого, чрезъ свое личное знакомство со многими благотворителями онъ содѣйствовалъ увеличенію средствъ въ высшей степени полезнаго названнаго благотворительнаго при семинаріи учрежденія.

Зная благородныя черты характера бывшаго о. ректора, зная его многотрудную и полезную дѣятельность, хотѣлось бы, по внушенію простаго непосредственнаго сердечнаго чувства, чтобы жизнь его продолжалась, и тѣмъ болѣе, что онъ оставилъ насъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Но пути Промысла Божія неисповѣдимы. Господу угодно было призвать почившаго къ Себѣ.

Ко встрѣчѣ кончины нашего бывшаго начальника мы нѣсколько были уже приготовлены; тяжелая изнурительная болѣзнь его предвѣщала горе, хотя мы продолжали надѣяться на благоприятный исходъ ея. Но всетаки горе остается само по себѣ тяжелымъ. Вотъ семейство усопшаго, слезы котораго еще болѣе усиливаютъ печаль и грустныя тяжелыя чувства. Что скажемъ въ утѣшеніе и успокоеніе опечаленнаго сердца? Да послужить въ утѣшеніе вѣщаніе послѣднихъ дней жизни усопшаго. Почившій обладалъ твердыми религіозными убѣжденіями; религіозную Богооткровенную истину въ духѣ ученія Православной Церкви онъ содержалъ, какъ безцѣнное сокровище; ясное сознаніе этой истины онъ сохранилъ даже до того времени, когда тѣлесныя силы его изнемогли. Въ послѣдніе дни своей жизни онъ, какъ истинный православный хрис-

тіанинъ, нѣсколько разъ причащался Святѣйшихъ Даровъ Тѣла и Крови Христовой. Предъ самою кончиною своею онъ удостоился, наконецъ, принять благодать Божію въ Таинствѣ Елеосвященія, во время совершенія котораго сохранялъ полное сознаніе. И отошелъ изъ земной жизни въ миръ съ Церковію и со всѣми. Душа его теперь на праведномъ судѣ Божіемъ.

Будемъ надѣяться, что Господь, по неложному обѣтованію Своему, удостоитъ его блаженной жизни въ селеніяхъ праведныхъ паче же всего будемъ молиться Господу объ упокоеніи его въ этой блаженной вѣчной обители.

Ты, усопшій, былъ нѣкогда въ семъ святомъ храмѣ Спаса Всемилостиваго, съ чудотворною иконою Его, служителемъ у алтаря Господня въ священномъ санѣ. Нынѣ, согласно предсмертно-выраженному тобою желанію, ты снова пришелъ сюда въ послѣдній разъ, чтобы затѣмъ отойти отсюда и навсегда изъ сей земной жизни въ жизнь вѣчную. Провожаемъ тебя съ христіанскою любовію. Прости намъ огорченія, какія мы когда либо причиняли тебѣ. Прими отъ насъ послѣдній привѣтъ. Еще разъ прости! И миръ да пребудетъ съ тобою во вѣки! Въ чувствѣ христіанской любви будемъ молиться о тебѣ: Упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего. Аминь.

Преподаватель семинаріи

священникъ *Василій Карповъ*.

Р ъ ч ъ

при погребеніи почившаго о. ректора Вологодской духовной семинаріи, протоіерея Іоанна Арсеньевича Лебедева.

Братья-товарищи! Предъ нами гробъ, въ которомъ лежитъ бездыханное тѣло горячо любимаго и уважаемаго всѣми нами человѣка. Незамѣтно для насъ спустился на землю тихій, но страшный ангелъ смерти и коснулся своимъ грознымъ, всепогубляющимъ мечемъ отца-благодѣтеля нашего, болѣе 20 лѣтъ достойно проходившаго долгъ служенія своего; восхищенъ отъ насъ отецъ нашъ—образецъ любви и кротости; взятъ отъ насъ начальникъ нашъ—образецъ мудраго и справедливаго правителя; отъятъ отъ насъ любвеобильный наставникъ, съ такою любовію и простотою изъяснявшій намъ ученіе любви Божественной; удаленъ отъ насъ привѣтливый и радушный хозяинъ и домовладыка, отъ котораго ни одинъ человѣкъ, ищущій помощи и утѣшенія, не уходилъ вспять съ печалію въ сердца своемъ!...

Не намъ, дорогой отецъ нашъ, производить оцѣнку твоей

многотрудной дѣятельности и жизни; судъ этотъ предоставимъ людямъ болѣе свѣдущимъ насъ. Нашъ долгъ сыновній побуждаетъ насъ только сказать тебѣ, отецъ нашъ, свое послѣднее „прости“ и услышать отъ тебя въ послѣдній разъ отеческое наставленіе. Но почто же молчишь ты, дорогой отецъ нашъ,—молчишь даже въ этотъ священнѣйшій часъ молитвъ нашихъ о тебѣ? Почто не глаголешь съ сонмомъ священнослужителей, окружающихъ тебя, Богу Крѣпкому и Святому, Вѣчному и Живому, Троицѣ Великой и Дивной трисвятую пѣснь „Аллилуіа“? Почто дозволяешь своей неутѣшной и нѣжной супругѣ плакать надъ тобою, а не скажешь ей слова утѣшенія, каковое не рѣдко говаривалъ даже ты людямъ тебѣ чужимъ? Вотъ и дѣти твои горько плачутъ надъ тобою, не зная за что ты ихъ покинулъ? Почто же молчишь ты и не скажешь слова привѣта и намъ—питомцамъ твоимъ и овцамъ стада твоего, смятеннымъ и испуганнымъ твоею внезапной кончиною? Ты безмолвствуешь!... Но мы слышимъ опредѣленіе Вѣчнаго: „земля еси и въ землю отъидеши...; лежитъ человѣку единою умерети... и возвратиться персть въ землю, яко же бѣ“,—возвратиться въ свое время. Но ужели пришло твое время? Въ жизни твоей были случаи тяжелой болѣзни, но Богъ хранилъ тебя для блага нашего и на пользу подвѣдомаго тебѣ разсадника духовнаго просвѣщенія. И вотъ только на 46-мъ году твоей жизни, когда особенно угодна бѣ Господеви душа твоя, послалъ Господь всепогубляющаго ангела Своего, и сего ради отъять ты отъ среды лукавствія (Прем. Сол. IV, 14) и прекратилось дыханіе твое. Теперь уже нѣтъ у тебя заботъ и безпокойствъ; ты уже въ другомъ мірѣ, отшедши отсюда съ міромъ. Ты уже другой человѣкъ, и въ то время, когда бранныя останки твои оплакиваются нами, духъ твой возносится горѣ къ Сладчайшему Господу Иисусу, радуясь воссоединенію съ Тѣмъ, отъ Кого получилъ самое свое бытіе. Духъ твой скорбитъ только о томъ, что мы своими слезами омрачаемъ его радость. Посему, братіе, перестанемъ плакать, ибо и самая разлука не вѣчна. Онъ ушелъ отъ насъ на время, но грядетъ часъ, когда и мы всѣ свидимся съ нимъ тамъ. Да, братіе! совершится нѣкогда воля Божія и надъ всѣми нами. И мы всѣ умремъ, когда угодно будетъ сіе Богу Промыслителю. Онъ далъ намъ животъ, и дыханіе, и вся; Онъ только одинъ и можетъ взять ихъ у насъ. Господь мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и изводитъ. Ты еси Богъ мой, въ руку Твою жребій мой (Пс. XXX, 16).

Теперь, братья-товарищи, обратимъ рѣчь къ себѣ самимъ. Большая часть изъ насъ предназначена Промысломъ Божиимъ

къ тому, чтобы, воспріавъ санъ священства, приносить Господу Безкровную Жертву. Помолимся же о немъ тогда о упокоеніи души его. А нынѣ у гроба сего дадимъ обѣщаніе по-дражать въ будущей своей дѣятельности примѣру и жизни сего предлежащаго, неуклонно слѣдовать тѣмъ завѣтамъ, которыми и самъ онъ слѣдовалъ и которые завѣщалъ и намъ. Постараемся быть таковыми, каковыми болѣе всего онъ желалъ насъ видѣть, т. е. честными, правдивыми и кроткими, истинными и нелицемѣрными служителями Слова, добрыми пастырями словеснаго стада, которое Господу угодно будетъ вручить намъ, дабы и тамъ, на судищи Христовомъ, могъ онъ всѣхъ насъ собрать къ себѣ, какъ собираетъ птица птенцовъ своихъ, и, представивъ насъ предъ нелицепріятнымъ Судією, возгласить: Господи! Се азъ и дѣти, яже ми далъ еси, и услышать въ отвѣтъ на это вождельный гласъ Пастыреначальника Христа: добръ, рабе благій и вѣрный! О малъ былъ Ми еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего (Мѡ. XXV, 23).

Молися за насъ предъ престоломъ Всевышняго и ты возлюбленный отецъ, начальникъ и учитель нашъ! Молися, чтобы Господь сподобилъ и насъ явиться, подобно тебѣ въ будущую жизнь, непостыдными и достойными вѣчнаго Его царства.

А теперь прости, до радостнаго свиданія за гробомъ! Прощай, дорогой нашъ отецъ! Прощай до того великаго часа, когда мы всѣ увидимся въ иномъ мірѣ! Прости, дорогой нашъ наставникъ, если мы въ чемъ нибудь виноваты предъ тобою, и вѣрь, что всѣ мы, сколько насъ есть здѣсь, всѣ мы будемъ долго, долго,— всю жизнь помнить тебя и поминать въ нашихъ молитвахъ! Вѣрь,—ничто не изгладитъ памяти о тебѣ изъ нашего сердца, и образъ твой глубоко запечатлѣется въ нашей душѣ, ни одинъ изъ насъ не забудетъ помянуть имени твоего, принося Безкровную Жертву Христову, если кому вручить Господь жребій священства, но всякій почтетъ священнѣйшею обязанностью помянуть усопшаго раба Божія, протоіерея Іоанна, о еже простити ему вся согрѣшенія его вольная и невольная.

Владыко Господи, Боже нашъ! Всѣ мы и отъ всея души молимъ Тя: пріими душу раба Твоего протоіерея Іоанна, упокой его въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова и даждь ему вѣнецъ правды Твоея, часть спасаемыхъ, славу избранныхъ Твоихъ.

Воспитанникъ семинаріи VI кл. 1 отд.

Валентинъ Арановичъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

предѣ опусканіемъ въ могилу тѣла въ Возѣ почившаго о. ректора семинаріи, протоіерея Іоанна Арсеньевича Лебедева.

„Вырыта заступомъ яма глубокая“... Подведены всѣ земные сче́ты... Еще нѣсколько секундъ, и эта глубокая яма, эта зіяющая предѣ нашими глазами пропасть навсегда скроетъ отъ насъ тебя, нашъ дорогой начальникъ и соработникъ, котораго мы такъ глубоко уважали, такъ горячо любили!...

Много было сказано словъ и рѣчей; въ нихъ ярко обрисованъ твой въ высшей степени симпатичный нравственный обликъ; а потому теперь—при раскрытой могилѣ—уже не время и не мѣсто распространяться о добрыхъ качествахъ твоей души, коими ты снискалъ себѣ всеобщее расположеніе,—распространяться о томъ, какую тяжелую, невознаградимую утрату понесли въ твоемъ лицѣ и мы, твои сослуживцы, и питомцы вертограда сего... Но душа переполнена мыслію о тебѣ...; просто хочется хоть *что нибудь* сказать тебѣ *въ послѣдній разъ*.

Да!... свершился твой жизненный путь..., пробилъ твой послѣдній часъ..., присталъ твой челнъ къ тихой пристани..., дошелъ ты до предѣла, его же не преjdeши...!! Се зрится великая тайна естества человѣческаго, се предстоимъ мы яко бы лицомъ къ лицу съ страшною правдою, отъ сознанія которой леденящій холодъ охватываетъ сердце, нервная дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу, кровь останавливается въ жилахъ... Ты, который для однихъ былъ отцемъ, вѣрной опорой, незамѣнимымъ счастьемъ, словомъ—всѣмъ..., для другихъ—честнымъ, правдивымъ и добрымъ начальникомъ, для третьихъ—любвеобильнымъ наставникомъ, для всѣхъ вообще—сердечнымъ другомъ и лучшимъ совѣтникомъ,—ты сейчасъ сойдешь въ эту сырую, холодную могилу, и оправдается надъ тобой непреложный законъ Творца „земля еси и въ землю отыдеши“.

Тяжело мириться съ этимъ фактомъ, горько разставаться съ тобой, столь дорогимъ существомъ!... О, если бы ты могъ раскрыть свои очи и окинуть взоромъ это многочисленное стеченіе народа, пришедшаго проводить тебя въ далекій путь, ты увидѣлъ бы, что не только сослуживцы и питомцы твои, но и всѣ знавшіе тебя скорбятъ о тебѣ скорбію великою... И трудно сказать, чѣмъ могла бы разрѣшиться эта скорбь, до какого отчаянія она могла бы довести насъ, если бы религія не давала намъ утѣшенія; она учить и мы вѣримъ, что

настоящая разлука съ тобою—только временная, что мы снова встрѣтимся съ тобою въ новомъ—лучшемъ мірѣ...

Иди же въ этотъ лучший міръ, дорогой нашъ начальникъ и соработникъ, чтобы услышать достойный тебя призывъ Спасителя: „прииди ко Мнѣ труждающійся и обремененный, и Азъ упокою тя“!

И такъ, прими отъ насъ послѣднее „прости“ и шествуй съ миромъ,—шествуй съ сознаниемъ исполненнаго долга, въ полной увѣренности, что ты не напрасно прожилъ жизнь, что ты сдѣлалъ свое дѣло, съ честію прошелъ чреду земнаго служенія и снискалъ себѣ искреннюю любовь всѣхъ знавшихъ тебя.

Преподаватель *Павелъ Прокошевъ*.

Р ъ ч ь
при отпѣваніи о. ректора Вологодской духовной семинаріи,
протоіерея Іоанна Арсеньевича Лебедева¹⁾.

Въ послѣдній разъ мы собрались вокругъ тебя, незабвенный нашъ о. ректоръ; но увы! не слышится нами уже болѣе умная и живая рѣчь твоя, уста твои навсегда сомкнуты для насъ, и ты бездыханный и безгласный лежишь въ гробу. Хотя тяжела и упорна была въ послѣднее время болѣзнь, постигшая тебя, но мы все еще не теряли надежды снова видѣть тебя въ своей учительской средѣ по прежнему здоровымъ, бодрымъ и жизнерадостнымъ. Но не суждено было осуществиться этой надеждѣ нашей и искреннѣйшему желанію всей нашей корпораціи. Медленный и протяжный звонъ семинарскаго колокола заставилъ болѣзненно сжаться сердце въ груди нашей, возвѣстивъ, что глубокоуважаемый нашъ о. ректоръ тихо въ Бозѣ отошелъ въ вѣчность. Миръ праху твоему, нашъ добрый начальникъ и мудрый учитель! Господу Богу угодно было, чтобы ты не мало потрудился для нашей семинаріи, послѣдовательно и съ успѣхомъ проходя въ ней должности наставника, инспектора и ректора, и твое имя и дѣятельность безспорно будутъ записаны на страницахъ исторіи того учебнаго заведенія, гдѣ ты трудился до конца дней своихъ. Конечно, не мѣсто и не время здѣсь оцѣнивать твою дѣятельность, и ты теперь изъять уже отъ суда человѣческаго, приготавливаясь дать отчетъ о своихъ дѣяніяхъ небесному Пастыреначальнику и Судіи. Но собравшись здѣсь вокругъ гроба твоего въ послѣдній разъ, чтобы помолиться объ упокоеніи души твоей

¹⁾ Предназнач. къ произнесенію на отпѣваніи послѣ втораго евангелія.

во царствій небесномъ и отдать тебѣ послѣднее цѣлованіе, не можемъ не сдѣлать попытки выразить въ слабомъ словѣ своемъ хотя часть того, что чувствуетъ и думаетъ въ настоящую минуту каждый изъ твоихъ бывшихъ сослуживцевъ. Прости нашъ незабвенный и добрый о. ректоръ! Твой христіански-просвѣщенный, гуманный и благородный образъ, какъ живой, стоитъ еще и доселѣ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ, и все еще не хочется вѣрить намъ, что ты уже переселился отъ насъ въ другой—загробный міръ. Въ твоемъ лицѣ мы лишились опытнаго и свѣдущаго руководителя, къ помощи и совѣтамъ котораго многіе изъ насъ обращались въ трудныя и важныя минуты своей жизни. И ты всегда съ полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ выслушивалъ насъ и, какъ умудренный житейскимъ опытомъ и обильно надѣленный отъ Господа духовными дарованіями, вѣрно указывалъ тотъ путь, который лучше всего было избрать тому или другому изъ насъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни.—Ты былъ мудрымъ и добрымъ начальникомъ, авторитетное слово котораго всѣми принималось и охотно выслушивалось и въ то же время не стѣсняло свободы личнаго мнѣнія каждаго. „Начальствованіе выкажетъ, каковъ человекъ“, сказалъ одинъ изъ мудрецовъ древняго міра. Доказательство справедливости этихъ словъ мы видимъ въ тебѣ, нашъ дорогой о. ректоръ. Ты былъ начальникомъ добрымъ и доступнымъ для каждаго, умѣвшимъ вполне естественно сочетать милосердіе и справедливость, что свидѣтельствовало о высокихъ и благородныхъ качествахъ твоей души. Твоя ласковость и привѣтливость, твое доброе сердце, всегда отзывчивое на нужды и горе другихъ, твое умѣнье обращаться съ людьми и угадывать сокровенные помыслы ихъ, педагогическій и начальнический тактъ невольно располагали въ твою пользу всѣхъ, кому приходилось обращаться къ тебѣ по дѣламъ службы, или по частнымъ нуждамъ своей личной жизни... Ты былъ для насъ и примѣромъ неослабнаго трудолюбія и добросовѣстнаго отношенія къ учебно-воспитательному дѣлу, вмѣстѣ со всѣми нами изо-дня-въ-день раздѣляя нелегкіе труды обученія и воспитанія духовнаго юношества, всегда внимательно и отечески относясь къ трудамъ наставниковъ и учащихся и воздавая каждому по заслугамъ... Всѣ мы также долго будемъ помнить и твою всегда привѣтливо-живую и интересную бесѣду, находившую откликъ и сочувствіе въ душѣ каждаго изъ насъ и невольно сближавшую и объединявшую нашу учительскую корпорацію. Поэтому весьма тяжело разставаться съ тобою, грустно при мысли, что пройдетъ еще нѣсколько мгновеній, и могильная насыпь на вѣки сокроетъ отъ насъ твои бренныя

останки... Преклоняемся предъ неисповѣдимостію судебъ Божіихъ, твердо вѣруя, что добро, сдѣланное тобою здѣсь на землѣ, не исчезнетъ безслѣдно, но, созрѣвши, принесетъ обильный плодъ и будетъ имѣть значеніе для тебя на судѣ всевидящаго и правосуднаго Бога, воздающаго каждому по дѣламъ его, а благодарная память о тебѣ надолго будетъ сохраняться въ душахъ твоихъ учениковъ и сослуживцевъ. Прими же отъ насъ, дорогой и незабвенный нашъ о. ректоръ, этотъ послѣдній привѣтъ, какъ знакъ глубокаго уваженія и благодарности къ тебѣ; прости насъ, если мы иногда причиняли тебѣ какое либо огорченіе, и духомъ своимъ не оставляй насъ и дорогую тебѣ Вологодскую семинарію... Да упокоитъ тебя Милосердый и Праведный Господь въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова и да сподобитъ Онъ тебя въ день всеобщаго и страшнаго суда услышать милостивый гласъ: *добръ, рабе благодатный и вѣрный: о малъ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего* (Мѣ. 25, 21).

Преподаватель дух. семин. В. Смѣлковъ.

Р ъ ч ъ

при гробѣ почившаго о. ректора Вологодской духовной семинаріи, протоіерея Іоанна Арсеньевича Лебедева¹⁾

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе: ижеже взирающе на скончаніе жителства, подражайте вѣрнъ ихъ (Евр. 13, 7).

Если бы мнѣ дана была хотя сотая часть того благодатствованнаго и вдохновеннаго слова въ которомъ воспѣлъ Григорій Богословъ Василия Великаго, то слово мое доставило бы вамъ, скорбящіе юноши, нѣкоторое духовное утѣшеніе. Простите вы мнѣ любезные юноши, что несовершенное мое слово не можетъ обнять весь образъ почившаго; простите вы любители и труженики науки, что я не могу почтить достойнымъ образомъ труженика науки; прости и ты достолюбезная душа, что я дерзаю высказать о тебѣ нѣсколько теплыхъ словъ. Искренняя и нелицемѣрная моя любовь къ тебѣ побуждаетъ меня предложить нашему общему вниманію свое слабое слово о тебѣ, какъ служитель слова, доблестномъ пастырѣ, мудромъ начальникѣ и любвеобильнѣйшемъ человѣкѣ.

Смерть есть общій удѣлъ всего человѣчества; нынѣ жре-

¹⁾ Готовилась къ произнесенію на отпѣваніи послѣ 4-го евангелія.

бій палъ на оплакиваемаго нами наставника, учителя и отца нашего, и возвратися духъ его къ Богу, иже даде его (Екл. 12, 7), а персть—въ землю, отъ нея же взята бысть. Что же осталось отъ почившаго намъ на память? Остались добрыя дѣла, которыя составляютъ превосходнѣйшее и незамѣнимое украшеніе бессмертной души нашей; и блаженъ тотъ, кто оставляетъ по себѣ дѣла, которыя служатъ для назиданія другихъ.

Полнаго совершенства на землѣ нѣтъ и совершеннѣйшій у насъ тотъ, говоритъ Григорій Богословъ, кто успѣлъ въ одномъ по преимуществу. Полагаю, говоритъ онъ же, всякій имѣющій умъ признаетъ для насъ благомъ ученость, не только ученость христіанскую, но и ученость внѣшнюю. Съ юныхъ лѣтъ до самой смерти предлежащій въ семъ гробѣ былъ труженикомъ науки, а поставленный во главѣ здѣшняго разсадника духовныхъ наукъ онъ несъ еще большее на себѣ бремя. Жизнь его была жертвой наукъ—наукъ во славу Божию и святой Православной Церкви. Уроки его старшимъ воспитанникамъ нашей духовной школы отличались глубокимъ пониманіемъ текста Слова Божія, ясностью, такъ что все излагаемое имъ цѣликомъ вносилось въ умъ слушающаго и дѣлалось достояніемъ мысли послѣдняго. Вы сами, возлюбленные, много разъ говорили, что у насъ о. ректоръ такъ ясно объясняетъ Священное Писаніе, что стоитъ только припомнить все то, что имъ было сказано, и урокъ уже готовъ.

Въ дѣлахъ управленія школой почившій обнаруживалъ мудрость, соединенную съ мужествомъ, которое проявлялось у него въ твердости и стойкости убѣжденій. Нѣтъ у меня ни силъ, ни времени, чтобы подробно изобразить тѣ высокія нравственныя качества почившаго, которыя премудрый апостолъ Павелъ характеризуетъ такъ: любы долготерпѣть, милосердствуетъ, не завидитъ, не мыслитъ зла. Не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ. Вся любитъ, всему вѣру еметъ, вся терпитъ (I Кор. 13, 4—7). Почившій нашъ начальникъ терпѣливо несъ всѣ трудности своего служенія, не поддавался гнѣву и отмщенію, любы милосердствуетъ. Почившій скорби наши и неудачи считалъ своими и всячески старался облегчить ихъ и пролить елей на наши раны.

Кто былъ печальникомъ нашимъ, какъ не почившій? Къ кому мы обращались чаще всѣхъ съ своими нуждами и кто принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, какъ не любвеобильный о. ректоръ? Сколько нужно было терпѣнія и великодушія къ намъ, чтобы каждому изъ насъ сдѣлать полезное; и я увѣренъ, что никто изъ насъ не уходилъ отъ него тощъ.

Любы не мыслить зла; почившій не видѣлъ зла во злѣ и всѣ наши погрѣшности извинялъ; онъ полагалъ, что они сдѣланы не съ худымъ намѣреніемъ, но по немощи нашей природы. Вся терпитъ. Если случалось, что мы неподдавались его отеческому водительство и попеченіямъ и были неустойчивы въ добрѣ, то и тогда онъ благодушно сносилъ наши слабости и терпѣливо выжидалъ нашего нравственнаго обновленія.

Достопочтенные труженики науки! Позвольте привести вамъ на память завѣщаніе почившаго, сдѣланное имъ послѣ таинства Елеосвященія, когда любовь вапа орошала предсмертное ложе его слезами: „Простите меня во всемъ, сказалъ онъ, „и помолитесь о грѣхахъ моихъ Богу въ своихъ домахъ“. Поставимъ же имя его на ряду съ присными своими, когда будемъ молиться о нихъ предъ Всевышнимъ Владыкою. И вы, возлюбленные юноши, если Богъ позоветъ васъ на чреду Своего служенія, то не забывайте почившаго въ своимъ молитвахъ предъ престоломъ Божіимъ; знайте, что единственной заботой почившаго была забота о томъ, чтобы всѣ вы, учащіеся въ нашей школѣ, окончили полный курсъ ея, и увольненіе одного изъ васъ, не только уже многихъ, было для него скорбью и тугой на сердцѣ.

Прости и благослови насъ всѣхъ дорогой и незабвенный нашъ начальникъ. Да упокоитъ тебя Господь Богъ въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова. Прости до будущаго радостнаго и свѣтлаго свиданія. Аминь.

Помощникъ инспектора *Н. Берсенева*.

Р ѣ ч ь
при гробѣ ректора Вологодской духовной семинаріи, протоіерея Іоанна Арсеньевича Лебедева¹⁾.

Позволь, дорогой начальникъ, незабвенный о. ректоръ Іоаннъ Арсеньевичъ, и мнѣ, юнѣйшему изъ сонма служителей Божіихъ, окружающихъ гробъ твой, и младшихъ изъ сослуживцевъ твоихъ, здѣ-же предстоящихъ, сказать нѣсколько словъ на прощаніе съ тобою.

Когда насъ оставляетъ дорогой, близкій намъ человѣкъ, мы стараемся всѣми силами отдалить моментъ его отшествія, просимъ, умоляемъ его остаться еще съ нами, не спѣшить, дать намъ насладиться его бесѣдою. Ты ли не дорогой для насъ въ настоящую минуту? Ты ли не близкій каждому изъ

¹⁾ Предназначалась къ произнесенію на отпѣваніи послѣ шестой пѣсни канона.

насъ человѣкъ? Не твоею ли бесѣдою привыкли мы улаживать свое сердце?—Однако никто тебя не удерживаетъ, никто не проситъ тебя остаться, побыть еще съ нами. Почему же это?—Потому, что мы знаемъ: съ того пути, коимъ ты вознамѣрился шествовать, нѣтъ возврата, нѣтъ силы, которая отдалила бы твое отъ насъ отшествіе. Тебя зоветъ къ Себѣ Самъ Всемогуцій Господь, Творецъ и Владыка всей твари, и намъ ли противиться Ему?—Скорбить, глубоко и сильно скорбить душа, трепещетъ и содрогается сердце въ предчувствіи той тягостной минуты, когда мы должны на вѣки проститься съ тобой, незабвенный начальникъ. Но не станемъ мы удерживать тебя съ нами, ибо вѣруемъ, что путь, въ онъ-же ты идеши днесъ, блаженъ. Мы вѣруемъ, что горестнѣйшая и скорбнѣйшая для насъ минута послѣдняго прощанія съ тобою, для тебя—счастливейшая минута перехода отъ сей юдоли печали и скорби къ свѣтлой радости о Божѣ Живѣ, отъ сей кратковременной и преисполненной золь и напастей жизни къ жизни вѣчной и блаженной. Гряди же съ миромъ!

Гряди съ миромъ, мудрый учитель нашъ!—Да, учитель. Ибо многіе изъ предстоящихъ гробу почившаго о. ректора сослуживцевъ были и его учениками, такъ какъ многотрудное и съ честію пройденное поприще своей служебной дѣятельности онъ началъ въ Вологдѣ, въ нашей родной семинаріи. Памятно намъ слово твое, незабвенный учитель, краткое, но сильное и содержательное слово, которымъ ты изъяснялъ намъ Богооткровенныя истины священнаго писанія. Серьезно, глубоко обдуманно и прочувствовано оно было, а потому прочно усвоилось не только разумомъ, но и сердцемъ, ложилось краугольнымъ камнемъ въ основаніе душевнаго роста юношества. Благоговѣлъ ты предъ великими истинами Слова Божія, и это благоговѣніе передавалось твоимъ питомцамъ.— Но при всемъ этомъ мы были еще неразумныя дѣти, а потому нерѣдко огорчали тебя своею разсѣянностію и невнимательностію. Прости же намъ эти огорченія.

Гряди съ миромъ, благодѣтельный воспитатель нашъ. Ты былъ и воспитателемъ многихъ изъ насъ, въ послѣдствіи раздѣлявшихъ твои служебные труды. Юность незрѣлая и не установившаяся, легкомысленная въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, рѣдко бываетъ способна постигнуть мудрость и цѣлесообразность воспитательныхъ мѣръ, не можетъ оцѣнить ихъ по достоинству. Такъ было, конечно и съ нами. Тяжелы казались намъ въ то время тѣ ограниченія, какія по долгу служебному и по любви къ намъ же, своимъ питомцамъ, ты предлагалъ нашей слабой и склонной къ увлеченіямъ волѣ.

Теперь же, достигши зрѣлаго возраста, мы иначе смотримъ на твой къ намъ отношеніи. Каждое твое вразумленіе, данъ то время, представляется теперь наставленіемъ любвеобильнаго отца, каждая мѣра взысканія, вызывавшаяся нами же необдуманнѣйшими поступками, представляется теперь взысканіемъ любящаго же, но и строгаго отца, не допускающаго своихъ дѣтей до пагубнаго для нихъ своеволія. Прости же намъ, благодѣтельный воспитатель нашъ, тѣ наши вины предъ тобою, тѣ огорченія и тревоги, какія мы причиняли тебѣ по своей юношеской легкомысленности!

Гряди съ миромъ, незабвенный начальникъ нашъ. Господь привелъ многихъ изъ твоихъ питомцевъ и служить подъ твоимъ начальствомъ во благо и на пользу воспитавшаго ихъ заведенія.—Весело работать, не тяжелы кажутся служебныя труды, когда видишь предъ собою примѣръ ревности и неутомимо трудящагося начальника. Легко исполнять требованія начальника, когда онѣ основаны на строгой почвѣ законности. Всѣ силы стараешься приложить къ дѣлу, когда видишь, что это дѣло направлено къ общей пользѣ, когда впереди себя на пути къ этой цѣли имѣешь мудраго руководителя, исполненнаго благихъ предначертаній и намѣреній, Ты, дорогой о. ректоръ, былъ именно такимъ начальникомъ, способнымъ сдѣлать легкимъ всякій трудъ. Требуя отъ подчиненныхъ строгаго исполненія лежащихъ на каждомъ изъ нихъ обязанностей, ты всегда являлъ собою примѣръ неуклоннаго исполненія долга; располагая къ труду другихъ, ты самъ всегда трудился больше всѣхъ.—Но мы все таки люди. Мы не чужды, конечно, ошибокъ. А всякая ошибка подчиненнаго—скорбь начальнику. Прости насъ, дорогой начальникъ, не помяни намъ тѣ огорченія, какія мы волею или неволею, вѣдомо или невѣдомо для себя причинили тебѣ!

Прости же и благослови насъ. Всѣ мы, какъ одна семья, собрались во св. храмъ сей, чтобы едиными усты и единымъ сердцемъ помолиться о упокоеніи души твоей. Сердца наши пламенѣютъ молитвою къ Господу Вседержителю, да пріиметъ Онъ съ миромъ духъ твой. Помня завѣтъ твой, данный намъ въ незабвенныя минуты послѣ общей же послѣдней молитвы нашей объ исцѣленіи постигшаго тебя недуга, мы ставимъ своею священною обязанностію молиться за тебя. Сотни питомцевъ твоихъ, разбѣнныхъ по всему лицу страны Вологодской и предстоящихъ престолу Всевышняго, не престанутъ возносить о тебѣ молитвы къ Подателю всяческихъ благъ, и долгіе, долгіе годы память твоя будетъ жива въ этихъ молитвахъ.

Шествуй же, приснопамятный, шествуй скоро по из-

бранному тобою пути, ибо путь сей, очищенный твоимъ сердечнымъ покаяніемъ, освященный Святѣйшимъ Таинствомъ Тѣла и Крови Господней, котораго ты неоднократно сподобился въ послѣдніе дни своей земной жизни, приведетъ тебя въ ту обитель, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная и блаженная.

Священ. каедр. собора *А. Воскресенскій*,
секретарь Правленія семинаріи.

Р ъ ч ъ

при отпѣваніи ректора Вологодской духовной семинаріи, протоіерея *І. А. Лебедева*¹⁾.

Когда намъ приходится провожать въ далекій путь и надолго близкаго намъ человѣка, то предъ разлукою,—въ тѣ особенно минуты, когда принято, по исконному русскому обычаю, присѣсть на мгновеніе,—намъ хочется еще поговорить съ удаляющимся; чувствуется, что что то еще не договорено; сердце рвется и проситъ слова, а слова желанныя на умъ не приходятъ, или не выговариваются въ порядкѣ и ясно. Одно только чаще всего приходитъ въ голову, одинъ вопросъ срывается съ устъ: все ли ты взялъ съ собою, не забылъ ли чего, все ли сдѣлалъ что нужно, прежде чѣмъ собраться въ дорогу??

Вотъ и теперь при проводахъ въ далекій, далекій путь дорогаго намъ человѣка, когда много уже было сказано и когда остается лишь нѣсколько минутъ до послѣдняго цѣлованія, то же чувствуется, что не наговорились еще, не насмотрѣлись. А тою порою моментъ разлуки все ближе и ближе и все болѣе и болѣе волнуетъ сердце и... связываетъ языкъ. И одна только мысль сильнѣе, настойчивѣй другихъ тѣснится въ сознаніе, одна фраза просится съ языка.

Дорогой, возлюбленный нашъ отецъ ректоръ! все ли ты взялъ, не забылъ ли чего, все ли ты сдѣлалъ, что тебѣ нужно, прежде чѣмъ уйти отъ насъ на всегда? Коротки, конечно, односложны бываютъ отвѣты на такіе вопросы. Но ты порадуй насъ хоть и однимъ словомъ!—Мы любимъ тебя! насъ такъ заботитъ, что съ тобою будетъ. Скажи же намъ что нибудь!...

Слушатели благочестивые! Не намъ, конечно, съ нашимъ слабымъ умомъ рѣшать вопросъ о томъ, что ожидаетъ человѣка за гробомъ, какая участь, въ частности, готовится по-

¹⁾ Предназначалась къ произнесенію предъ послѣднимъ цѣлованіемъ.

вопреставленному... Но въ виду его безмолвія и въ виду того, что разумъ человѣческій имѣетъ возможность до нѣкоторой степени дѣлать заключенія отъ причинъ и условій къ ихъ слѣдствіямъ, подумаемъ,—нельзя ли дать хоть краткій, хоть гадательный отвѣтъ на предложенные сейчасъ вопросы? По человѣческому разсужденію едва ли мы погрѣшимъ, если придемъ къ той мысли, что покойный о. ректоръ можетъ дерзновенно предстать страшному престолу славы и сказать: „Господи! талантъ, который Ты мнѣ далъ, я не закопалъ въ землю, но трудолюбно дѣлалъ его“...

Въ самомъ дѣлѣ, предъ нами, предъ сослуживцами усопшаго все его служебное поприще. Не буду перечислять его трудовъ,—они не малы и постоянны; не скажу ничего о заботахъ о подчиненныхъ,—искренняя скорбь и слезы учащихся и учащихся ясно свидѣтельствуютъ, какъ онъ пекся и любилъ и насъ, и питомцевъ нашей семинаріи. Да и не мы одни—учащіе и ученики,—всѣ, знавшіе его, жалѣютъ его. Вы видите, сколько собралось отдать ему послѣдній долгъ! Очевидно, онъ много сдѣлалъ хорошаго; очевидно, онъ старался ничего не забыть, чтобы стать съ добрымъ отвѣтомъ на страшномъ судѣ Христовомъ. А если такъ, если усопшій былъ вѣрнымъ рабомъ Господнимъ, то мы вполне можемъ вѣрить и надѣяться, что онъ услышитъ гласъ Спасителя: „добрый рабе, благій и вѣрный, вниди въ радость Господа твоего“. Вотъ поэтому, какъ ни тяжело намъ терять добраго нашего начальника и разумнаго руководителя, какъ ни грустно разставаться съ нимъ—хорошимъ человѣкомъ, не будемъ поддаваться скорби, не станемъ волноваться, что наступаетъ моментъ послѣдняго „прости“, а будемъ лучше молиться и надѣяться, что Господь воздастъ усопшему по дѣламъ его и что воздаяніе это благо будетъ. Съ такою мыслию приступимъ мы къ послѣднему цѣлованію, и скорбь наша потеряетъ жгучесть и горечь.

Да, дорогой нашъ, возлюбленный нашъ, мы вѣримъ, что ты ничего не забылъ, все сдѣлалъ, что нужно, чтобы не постыдно дать отчетъ Судіи нелицепріятному. И такъ, съ Богомъ!... Не забудь насъ въ твоихъ молитвахъ; а мы?! а мы тебя не забудемъ.

К. Заболотскій.

ПРЕДСТОЯЩІЙ ЮБИЛЕЙ.

1-го іюня будущаго 1896 года исполнится 50 лѣтъ со времени открытія Ярославскаго училища дѣвицъ духовнаго званія. За это время очень много дочерей Вологодскаго епархіальнаго духовенства получило образованіе въ семъ высоко-полезномъ учебномъ заведеніи. Изъ нихъ многіе здравствуютъ и доселѣ, пользуясь благотворными плодами полученнаго тамъ воспитанія. Посему и духовенство Вологодской епархіи, безъ сомнѣнія, приметъ живое участіе въ готовящемся на 1-е іюня будущаго года въ стѣнахъ поименованнаго женскаго училища юбилейномъ празднествѣ. Предполагается приготовить и поднести училищу, отъ Вологодской епархіи, икону Всемилостиваго Спаса въ сребропозлащенной ризѣ, при адресѣ отъ духовенства. Бывшія воспитанницы Ярославскаго училища и ихъ родители сихъ приглашаются къ посильнымъ пожертвованіямъ на сооруженіе иконы и на изготовленіе адреса; при чемъ они могутъ высылать таковыя пожертвованія въ г. Вологду на имя кафедральнаго протоіерея Николая Якубова.

Содержаніе:

1. Протоіерей І. А. Лебедевъ, ректоръ семинаріи (некрологъ).—2—13. Рѣчи произнесенныя и предназначенныя къ произнесенію при погребеніи ректора семинаріи протоіерея І. А. Лебедева.—14. Предстоящій юбилей.

Редакторъ Н. Суворовъ.

Помощникъ редактора Ив. Суворовъ.

Дозволено цензурою. Іюня 30 дня, 1895 года. Вологда.
Въ типографіи Губернскаго Правленія.